

**ЗИГМУНД
ФРЕЙД**

*Навязчивость,
паранойя
и перверсия*

Санкт-Петербург

УДК 159.9
ББК 88.5
Ф 86

Перевод с немецкого Андрея Боковикова

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Валерия Гореликова

ISBN 978-5-389-10308-5

© А. М. Боковиков, перевод, 2006
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2015
Издательство АЗБУКА®

Навязчивые действия и религиозные отправления (1907)

Разумеется, я не первый, кому бросилось в глаза сходство так называемых навязчивых действий нервных с отправлениями, которыми верующий подтверждает свою набожность. Об этом мне говорит и слово «церемониал», которым называли некоторые из этих навязчивых действий. И все же это сходство мне не кажется чисто поверхностным, а потому, поняв возникновение невротического церемониала, можно было бы отважиться по аналогии сделать выводы о душевных процессах религиозной жизни.

Люди, совершающие навязчивые действия или церемониал, наряду с теми, кто страдает от навязчивых мыслей, навязчивых представлений, навязчивых импульсов и т. п., относятся к особой клинической единице, нарушения которой принято обозначать неврозом навязчивости. Однако не стоит впадать в искушение пытаться вывести своеобразие этого недуга из его наименования, ибо, строго говоря, и другие болезненные душевные проявления с тем же правом притязают на так называемый «навязчивый характер». Место дефиниции должно теперь занять детальное знание этих состояний, поскольку до сих пор так и не удалось выявить, вероятно, глубоко лежащий критерий невроза навязчивости, наличие которого, как ошибочно полагают, можно все-таки разыскать во всех его проявлениях.

Невротический церемониал состоит в совершении небольших ритуалов, в добавлениях, ограничениях, предписаниях, которые при определенных поступках в повседневной жизни всегда осуществляются одним и тем же или закономерно видоизмененным способом. Эти действия производят на нас впечатление простых формальностей; они кажутся нам не имеющими никакого значения. Точно такими же они кажутся и самому больному, и все же он не способен отказаться от них, ибо любое отклонение от церемониала карается невыносимой тревогой, которая тотчас вынуждает к наверстыванию упущенного. Такими же незначительными, как и церемониальные действия, являются сами поводы и виды деятельности, которые скрашиваются, затрудняются и непременно замедляются церемониалом, например одевание и раздевание, отход ко сну, удовлетворение физических потребностей. Исполнение церемониала можно описать, если его, так сказать, заменить рядом неписаных правил: например, в церемониале при отходе ко сну кресло должно стоять в определенном положении перед кроватью; одежда на нем должна лежать сложенной в определенном порядке; покрывало должно быть заправлено в изножье кровати, простыня должна быть гладко выглажена; подушки должны лежать так-то и так-то; само тело должно находиться в строго определенном положении — и только тогда можно заснуть. В легких случаях церемониал выглядит как преувеличение привычного и оправданного порядка. Однако особая добросовестность, с которой совершаются эти действия, и тревога, возникающая при их неисполнении, характеризуют церемониал как священнодействие. Как правило, нарушение их тяжело переносится; публичность, присутствие других людей во время их совершения, почти всегда исключена.

Навязчивыми действиями в широком смысле могут стать любые виды деятельности, если они скрашиваются небольшими добавлениями, делаются ритмичными благодаря паузам и повторениям. Нельзя ожидать, что церемониал удастся строго отделить от навязчивых действий. В большинстве случаев навязчивые действия произошли из церемониала. Наряду с тем и другим содержание недуга образуют запреты и недопущения (абулии), которые, собственно говоря, лишь продолжают дело навязчивых действий, поскольку что-то больному вообще не позволено, а что-то другое разрешается только при соблюдении предписанного церемониала.

Примечательно, что принуждения, такие как запреты (одно нужно делать, другое делать нельзя), вначале касаются только действий, совершаемых в одиночку, а социальное поведение этих людей долгое время остается ненарушенным; поэтому такие больные могут многие годы относиться к своему недугу как к личному делу и его скрывать. Также такими формами невроза навязчивости страдает намного больше людей, чем становится известно врачам. К тому же подобное сокрытие для многих больных облегчается тем обстоятельством, что часть дня они вполне способны исполнять свои социальные обязанности, до этого посвятив какое-то количество часов своим таинственным действиям в полном уединении.

Нетрудно увидеть, в чем состоит сходство невротического церемониала со священнодействием религиозного обряда, — в терзаниях совести при его неисполнении, в полной изоляции от всего остального поведения (запрещение помех) и в добросовестности исполнения действий в малейших деталях. Но точно такими же очевидными являются и различия, причем некоторые из них настолько яркие, что допускают сравнение со святотатством, — большее индивидуальное разнообразие

[невротических] церемониальных действий в противоположность стереотипии ритуала (молитва, *proskinesis*¹ и т. д.), их приватный характер в отличие от публичности и общности религиозных отправлений; но прежде всего то отличие, что небольшие добавления религиозного церемониала имеют рациональный и символический смысл, тогда как в невротическом церемониале они кажутся глупыми и бессмысленными. Невроз навязчивости поставляет здесь наполовину комичную, наполовину грустную карикатуру на приватную религию. Между тем именно это самое глубокое различие между невротическим и религиозным церемониалом устраняется, если с помощью психоаналитической техники исследования прийти к пониманию навязчивых действий². В результате такого исследования видимость, будто навязчивые действия глупы и бессмысленны, полностью разрушается и вскрывается подоплека этой видимости. Из него узнаёшь, что навязчивые действия полностью и во всех деталях рациональны, служат важным интересам личности и выражают продолжающие действовать переживания, а также катектированные аффектом мысли. Они делают это двояким образом — в виде либо непосредственных, либо символических изображений; стало быть, их следует толковать либо исторически, либо символически.

Пожалуй, мне здесь не обойтись без нескольких примеров, которые должны пояснить это утверждение. Кто знаком с результатами психоаналитического исследования психоневрозов, не будет удивлен, услышав, что то, что изображено посредством навязчивых действий или церемониала, проистекает из самых сокровенных,

¹ Греческое обозначение ритуала, представляющего собой поклон с целованием туфли. — *Примеч. перев.*

² Ср. Freud S. Sammlung kleiner Schriften zur Neurosenlehre. Wien, 1906.

чаще всего сексуальных, переживаний данного человека.

а) Наблюдавшаяся мною девушка испытывала принуждение, умывшись, несколько раз прополаскивать чашу для умывания. Значение этого церемониального действия заключалось в вошедшем в поговорку выражении: «Не выливай грязную воду, пока не имеешь чистой». Действие было предназначено для того, чтобы напомнить о любимой сестре и удержаться от расставания со своим нерадивым мужем, прежде чем она завяжет отношения с кем-то лучшим.

б) Жившая отдельно от своего мужа жена во время еды следовала принуждению оставлять на тарелке самое лучшее — например, из куса поджаренного мяса съедать только края. Этот отказ объяснялся датой его возникновения. Он появился в тот день, когда она объявила своему мужу о прекращении супружеских отношений, то есть отказалась от самого лучшего.

в) Та же самая пациентка, в сущности, могла сидеть только в одном-единственном кресле и поднималась с него с великим трудом. Кресло, будучи связанным с одной деталью ее супружеской жизни, символизировало для нее мужа, которому она хранила верность. Для объяснения своей навязчивости она нашла фразу: «Человеку так трудно расстаться с чем-либо (мужем, креслом), на чем он когда-то сидел».

г) Обычно в течение всего времени она повторяла особенно странное и бессмысленное навязчивое действие: она бежала из своей комнаты в другую, посередине которой стоял стол, определенным способом поправляла лежащую на нем скатерть, звонила горничной, которая должна была подойти к столу, и вновь отпускала ее с каким-то несущественным поручением. Когда она попыталась объяснить себе эту навязчивость, ей пришла в голову мысль, что данная скатерть в одном

месте имела неприятного цвета пятно и что она каждый раз стелила скатерть таким образом, чтобы пятно бросалось в глаза горничной. Действие в целом представляло собой воспроизведение события из ее супружеской жизни, которое задало ее мыслям проблему, требовавшую решения. Ее мужа в первую брачную ночь постигла не такая уж необычная неудача. Он оказался импотентным и «несколько раз в течение ночи прибегал из своей комнаты в ее», чтобы повторить попытку в надежде, что на этот раз она все же не удастся. Утром он сказал, что ему будет стыдно перед горничной, которая убирает постели, схватил бутылочку с красными чернилами и вылил ее содержимое на простыню, но так неумело, что красное пятно появилось в весьма неподходящем для его намерения месте. Стало быть, тем навязчивым действием она проигрывала первую брачную ночь. «Стол и кровать» вместе составляют брак.

д) Когда у нее возникло навязчивое желание записывать номер каждой денежной банкноты, прежде чем с ней расстаться, то это точно так же можно было объяснить исторически. В то время, когда она еще вынашивала намерение расстаться со своим мужем и найти другого, более достойного, она позволила ухаживать за собой одному господину, в серьезных намерениях которого она все-таки сомневалась. Однажды из-за отсутствия мелких денег она попросила его разменять ей пять крон. Он это сделал, засунул в бумажник большую монету и галантно сказал, что даже не подумает расставаться с этой монетой, потому что она побывала в ее руке. Потом, когда они встречались, ее часто подмывало попросить его показать ей ту монету в пять крон, словно чтобы тем самым удостовериться, стоит ли ей доверять его дифирамбам. Но она этого не делала с верным обоснованием, что отличить друг от друга одинаковые монеты

было бы невозможно. Таким образом, сомнение осталось неразрешенным; оно оставило после себя навязчивое желание записывать номера банкнот, благодаря которым можно индивидуально отличить каждую отдельную банкноту от всех остальных того же достоинства.

Эти немногочисленные примеры, извлеченные из моего богатого опыта, должны лишь пояснить мой тезис, что в навязчивых действиях все рационально и доступно истолкованию. То же самое относится и к собственно церемониалу, разве что доказательство потребовало бы здесь более обстоятельного сообщения. Я вполне отдаю себе отчет в том, что, разъясняя навязчивые действия, мы, кажется, весьма удаляемся от религии.

Одно из условий болезни составляет то, что человек, следующий навязчивому желанию, совершает действие, не зная его значения — во всяком случае, его основного значения. Только благодаря усилиям психоаналитической терапии смысл навязчивого действия и тем самым побуждающие к нему мотивы становятся осознанными. Мы высказываем это важное положение вещей словами, что навязчивое действие служит выражению *бессознательных* мотивов и представлений. В этом, по видимому, заключается еще одно его отличие от религиозного отправления; однако следует подумать о том, что и набожный человек, как правило, совершает религиозный церемониал, не задаваясь вопросом о его значении, тогда как священники могут знать символический в большинстве случаев смысл ритуала. Однако мотивы, побуждающие к религиозному отпавлению, всем верующим либо неизвестны, либо замещаются в их сознании выдвигаемым мотивом.

Анализ навязчивых действий уже позволил нам отчасти понять их причины и взаимосвязь определяющих

их мотивов. Можно сказать, что человек, страдающий от навязчивостей и запретов, ведет себя так, как будто над ним довлеет сознание вины, о которой он, правда, ничего не знает, то есть бессознательное *сознание вины*, если так можно выразиться при всей нескладице подобного соседства слов. Это сознание вины имеет источник в известных душевных процессах раннего детства и постоянно оживает в случае каждого нового *искушения*. В свою очередь, оно порождает всегда готовую заявить о себе *тревогу, вызванную ожиданием беды*, которая через понятие *наказания* связана с внутренним восприятием искушения. В начале образования церемониала больной еще сознает, что должен сделать то или иное, чтобы не случилась беда, и, как правило, характер поджидающей его беды пока еще известен его сознанию. Связь же между поводом, при котором возникает эта тревога, порождаемая ожиданием, и угрожающим содержанием от больного уже скрыта. Таким образом, церемониал возникает как *защитное или страховочное поведение, как защитная мера*.

Сознанию вины больного неврозом навязчивости соответствует уверение набожных людей, что в глубине души они закоренелые грешники; по всей видимости, религиозные отправления (молитвы, обращения к Богу и т. д.), с которых они начинают любую повседневную деятельность и особенно каждое чрезвычайное дело, имеют значение защитных и оборонительных мер.

К более глубокому пониманию механизма невроза навязчивости можно прийти, если оценить лежащий в его основе первый факт: он всякий раз представляет собой *вытеснение импульса влечения* (компонента сексуального влечения), который содержался в конституции человека, какое-то время мог выражаться в его детской жизни и после этого подвергся подавлению.

Особая *совестливость*, направленная на цели этого влечения, создается при его вытеснении, но это психическое реактивное образование не чувствует себя в безопасности, ибо ему постоянно грозят влечения, подстерегающие в бессознательном. Влияние вытесненного влечения воспринимается как искушение, в процессе самого вытеснения возникает тревога, которая овладевает человеком в виде тревоги, связанной с ожиданием будущего. Процесс вытеснения, ведущий к неврозу навязчивости, следует охарактеризовать как не совсем удавшийся и все больше грозящий окончиться неудачей. Поэтому его можно приравнять к незавершенному конфликту; требуются все новые психические усилия, чтобы не уступить постоянному натиску влечения. Таким образом, церемониальные и навязчивые действия возникают частично для защиты от искушения, частично — для предотвращения ожидаемого несчастья. Защитные действия, направленные против искушения, вскоре кажутся недостаточными; тогда появляются запреты, которые должны отдалить ситуацию искушения. Как видно, запреты заменяют навязчивые действия, подобно тому как фобия предназначена для того, чтобы уберечь от истерического припадка. С другой стороны, церемониал представляет собой совокупность условий, при которых становится позволительным другое, пока еще не абсолютно запретное действие, подобно тому как церковный брачный церемониал означает для благочестивого человека позволение получать сексуальное наслаждение, которое иначе греховно. К особенностям невроза навязчивости, как и всех сходных патологий, относится также то, что его проявления (симптомы, среди них и навязчивые действия) выполняют условие компромисса между борющимися между собой душевными силами. То есть они всегда также возвращают

часть удовольствия, которое предназначены предотвращать, служат вытесненному влечению не меньше, чем вытесняющим его инстанциям. Более того, с развитием болезни действия, первоначально скорее обеспечивающие защиту, все больше приближаются к предосудительным действиям, с помощью которых в детстве могло выражаться влечение.

Из этих условий следующее можно было бы найти и в области религиозной жизни: так же и в основе религиозного образования, по-видимому, лежит подавление, отказ от определенных импульсов влечения; но в отличие от невроза они не являются исключительно сексуальными компонентами, а представляют собой корыстолюбивые, социально вредные влечения, которые, впрочем, чаще всего не лишены и сексуального вклада. Сознание вины как следствие не исчезающего искушения, тревога, порождаемая ожиданием, как страх Божьей кары стали известны нам в области религии раньше, чем в области невроза. Возможно, из-за примешивающихся сексуальных компонентов, возможно, вследствие общих качеств влечений также и в религиозной жизни подавление влечений оказывается недостаточным и незавершенным. Полный возврат к греховной жизни у благочестивых людей встречается даже чаще, чем у невротиков, и он становится причиной новой формы религиозной деятельности, покаяния, эквиваленты которого обнаруживаются в неврозе навязчивости.

Своеобразную и обесценивающую особенность невроза навязчивости мы усмотрели в том, что церемониал присоединяется к незначительным действиям повседневной жизни и выражается во вздорных предписаниях и ограничениях. Эта странная черта в формировании картины болезни становится понятной только тогда, когда узнаешь, что механизм психического *смещения*, который вначале я обнаружил при образовании сновид-

дения, господствует в душевных процессах при неврозе навязчивости. Уже из нескольких примеров навязчивых действий видно, как в результате смещения с настоящего, важного на заменяющее незначительное, например с мужа на кресло, символически и частично осуществляется намерение. Как раз эта склонность к смещению и видоизменяет постоянно картину болезненных проявлений и в конце концов приводит к тому, что внешне самое незначительное делается самым важным и безотлагательным. Нельзя не заметить, что аналогичная склонность к смещению психической ценности, причем в том же смысле, существует и в области религии, в результате чего незначительный церемониал религиозного отправления постепенно превращается в нечто важное, которое отодвинуло в сторону его мыслительное содержание. Поэтому религии также подвергаются рывками проводящимся реформам, которые стремятся воссоздать первоначальное соотношение ценностей.

Компромиссный характер навязчивых действий как невротических симптомов наименее отчетливо проявляется в соответствующем религиозном поведении. Но также и это свойство невроза становится очевидным, если вспомнить о том, как часто все действия, которые осуждает религия, — проявления влечений, подавляемых религией, — осуществляются как раз во имя и якобы на благо религии.

После выявления этих соответствий и аналогий можно, пожалуй, взять на себя смелость сказать, что невроз навязчивости следует понимать как патологический эквивалент религиозного образования, невроз — как индивидуальную религиозность, а религию — как всеобщий невроз навязчивости. Самое важное соответствие заключается в том, что в их основе лежит отказ от осуществления конституционально данных влечений; самое главное их отличие — в природе этих влечений,

которые при неврозе имеют исключительно сексуальное происхождение, а в религии — эгоистическое.

Поступательный отказ от конституциональных влечений, осуществление которых могло бы доставлять Я первичное удовольствие, по-видимому, является одной из основ культурного развития человека. Часть этого вытеснения влечений совершается религиями, поскольку они заставляют людей жертвовать своим удовольствием, получаемым от влечения, божеству. «Мсть — моя», — говорит Господь. Думается, что в развитии древних религий можно увидеть, что многое, от чего человек отказался как от «прегрешения», отошло Богу и оставалось дозволенным во имя Бога, так что такая уступка божеству была способом, которым человек освободился от власти дурных, социально вредных влечений. Поэтому, наверное, не случайно, что древним богам в неограниченной массе приписывались все человеческие качества (вместе с вытекающими из них злодеяниями), и нет противоречия в том, что все же было непозволительно божественным примером оправдывать собственные прегрешения.

Характер и анальная эротика

(1908)

Среди лиц, которым пытаются оказать помощь стараниями психоанализа, довольно часто встречается тип, отличающийся сочетанием определенных особенностей характера, и в то же время в детстве этих людей обращает на себя поведение известной телесной функции и органов, участвующих в ее отправлении. Сегодня я уже не могу указать, по каким отдельным причинам у меня создалось впечатление, что между тем характером и этим поведением органов существует органическая взаимосвязь, однако могу заверить, что к возникновению этого впечатления теоретические ожидания никак не причастны.

Благодаря накопленному опыту моя вера в существование такой взаимосвязи настолько окрепла, что я решаюсь сделать на этот счет сообщение.

Люди, которых я хочу описать, обращают на себя внимание тем, что обнаруживают три следующие особенности, обычно сочетающиеся друг с другом: они очень *аккуратны, бережливы и своенравны*. Собственно говоря, каждое из этих слов относится к небольшой группе или к целому ряду родственных черт характера. Аккуратность означает как телесную чистоплотность, так и добросовестность при исполнении своих обязанностей и надежность; противоположностью ей были бы неряшливость и небрежность. Бережливость может

усиливаться до скупости; своенравие переходит в упрямство, к которому легко присоединяется гневливость и мстительность. Последние две особенности — бережливость и своенравие — связаны между собой более прочно, чем с первой, с аккуратностью; они также являются более постоянной частью комплекса в целом; тем не менее мне кажется неопровержимым, что все три особенности каким-то образом связаны между собой.

Из истории раннего детства этих людей нетрудно узнать, что им понадобилось сравнительно много времени, чтобы подчинить себе инфантильную *incontinentia alvi*¹, и что на отдельные неудачи этой функции они жаловались еще и в более поздние детские годы. По всей видимости, они принадлежали к той категории младенцев, которые отказываются опорожнять кишечник, когда их усаживают на горшок, поскольку из дефекации они получают сопряженную с удовольствием побочную выгоду², ведь они сообщают, что еще и в несколько более позднем возрасте им доставляло удовольствие удерживать стул, и вспоминают — хотя скорее и проще о своих братьях и сестрах, нежели о себе, — всякие непристойности, связанные с обнаруженным калом. Из таких указаний мы делаем вывод об очень ясном эрогенном акценте на анальной зоне в им свойственной сексуальной конституции; но так как по истечении детства у этих лиц уже нельзя найти и следа этих слабостей и особенностей, мы должны допустить, что в ходе развития анальная зона утратила свое эрогенное значение, и затем предположить, что неизменность этой триады особенностей в их характере можно связать с истощением анальной эротики.

¹ Неспособность произвольно сдерживать экскременты. — Примеч. перев.

² «Три очерка по теории сексуальности».

Я знаю, что люди не решаются поверить в какой-либо факт, пока он кажется непонятным и нет никакой привязки для его объяснения. Однако по меньшей мере самое основное из этого мы можем здесь приблизить к нашему пониманию с помощью гипотез, изложенных в «Трех очерках по теории сексуальности». Я пытаюсь в них показать, что сексуальное влечение человека имеет очень сложное строение, состоит из многочисленных компонентов и парциальных влечений. Важный вклад в возникновение «сексуального возбуждения» вносят периферические возбуждения определенных выделенных нами частей тела (гениталий, рта, заднего прохода, выводного протока мочевого пузыря), которые заслуживают названия «эрогенные зоны». Однако не все и не в любой период жизни поступающие из этих мест величины возбуждения имеют одинаковую судьбу. Вообще говоря, только одна часть достается сексуальной жизни; другая часть отклоняется от сексуальных целей и обращается на другие цели, этот процесс заслуживает названия «сублимация». В период жизни, который можно назвать периодом латентной сексуальности, — с пятилетнего возраста до первых проявлений пубертата (примерно в одиннадцать лет), — даже за счет этих возбуждений, поставляемых из эрогенных зон, в душевной жизни создаются реактивные образования, противодействующие силы, такие как стыд, отвращение и мораль, которые словно плотины препятствуют последующим проявлениям сексуальных влечений. Поскольку анальная эротика относится к тем компонентам влечения, которые в ходе развития и с точки зрения нашего нынешнего культурного воспитания становятся непригодными для сексуальных целей, напрашивается мысль, что в особенностях характера, столь часто проявляющихся у бывших анальных эротоманов, — аккуратность, бережливость и своенравие — надо усматривать самые

непосредственные и постоянные последствия сублимации анальной эротики¹.

Разумеется, мне и самому непонятна внутренняя необходимость этой взаимосвязи, однако я могу привести кое-какие доводы, которые могут быть расценены как помощь в ее понимании. Чистоплотность, аккуратность, надежность производят впечатление реактивных образований, направленных против интереса к нечистому, постороннему, мешающему, не принадлежащему

¹ Поскольку именно замечания об анальной эротике младенца в «Трех очерках по теории сексуальности» вызвали особое возмущение у неразумных читателей, я здесь позволю себе включить наблюдение, которым я обязан одному весьма смысловому пациенту. Один знакомый, который прочел статью по «теории сексуальности», говоря о книге, полностью соглашается с ней, но одно место в ней — хотя, разумеется, с точки зрения содержания он также его одобряет и понимает — показалось ему настолько комичным и странным, что он присел и с четверть часа смеялся до упаду. Вот это место: «Одним из вернейших признаков будущей странности характера или нервности является упорное нежелание младенца очистить кишечник, когда его сажают на горшок, то есть когда это угодно няне, и его стремление осуществлять эту функцию по своему усмотрению. Ему, конечно, не важно, что пачкается его постель: он заботится только о том, чтобы не лишиться удовольствия при дефекации». Образ сидящего на горшке младенца, который размышляет о том, вправе ли он отказаться от подобного ограничения ради своей свободной воли, да к тому же озабоченного тем, чтобы не лишиться удовольствия при дефекации, и вызвало его бурное веселье. Минут через двадцать, во время полдника, мой знакомый совершенно неожиданно говорит: «Слушай, я увидел перед собой какао, и мне пришла в голову мысль, которая постоянно занимала меня в детстве. Я всегда себе представлял, что я производитель какао ван Хоутен (он сказал „ван Хаутен“ [van Houten]), и у меня есть замечательный секрет изготовления этого какао, а все люди хотят вырвать у меня эту тайну, способную осчастливить целый мир, которую я тщательно берегу. Почему я запал именно на ван Хоутена, не знаю. Наверное, мне больше всего понравилась его реклама». Рассмеявшись и пока еще не связывая с этим, в сущности верно, более глубокого намерения, я сказал: «Когда мать задает порку?» [*Wann haut'n die Mutter?!*] И только несколько позже я понял, что мой

Фрейд З.

Ф 86 Навязчивость, паранойя и перверсия / Зигмунд Фрейд ; пер. с нем. А. Боковой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2024. — 320 с. — (Азбука-классика. Non-Fiction).

ISBN 978-5-389-10308-5

Предлагаем вниманию читателей сборник статей великого австрийского психолога, посвященный механизмам возникновения невроза навязчивых состояний, паранойи, гомосексуализма и мазохистской перверсии. Под одной обложкой представлены как знаменитые работы, например описание случая «Крысина», молодого человека, страдающего неврозом навязчивости, или статья «Ребенка бьют», проливающая свет на проблему мазохизма, так и малоизвестные, но не менее занимательные трактаты, в числе которых можно назвать исследование явления дьявола нищему художнику в семнадцатом веке.

УДК 159.9

ББК 88.5

Литературно-художественное издание

ЗИГМУНД ФРЕЙД

НАВЯЗЧИВОСТЬ, ПАРАНОЙЯ И ПЕРВЕРСИЯ

Ответственный редактор Кирилл Красник
Художественный редактор Вадим Пожидаев
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Владимира Сергеева
Корректоры Наталья Бобкова, Елена Терскова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 24.10.2023. Формат издания 76 × 100 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 2000 экз. Усл. печ. л. 14,1. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

18+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

Отпечатано с электронных носителей издательства.

ООО «Тверской полиграфический комбинат».

170024, Россия, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.

Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс: (4822) 44-42-15
Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

Информация о новинках и планах

на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

Y-NFA-18336-11-R